

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

1824-й годъ принесъ Императрицѣ рядъ новыхъ огорченій: въ январѣ мѣсяцѣ, Государь сильно занемогъ рожистымъ воспаленіемъ ноги. Болѣзнь эта случилась съ нимъ не впервые, онъ хворалъ ею во время Вѣнскаго Конгресса, цѣлыхъ три недѣли. Сильная лихорадка и сильная боль въ ногѣ, въ связи съ большой слабостью, внушали первые дни серьезныя опасенія; врачи Вилліе и Тарасовъ были очень озабочены исходомъ болѣзни, но, послѣ двухъ недѣль, теченіе ея приняло благопріятный оборотъ и опасность миновала.

Эта болѣзнь очень сблизила царственныхъ супруговъ; Государыня по нѣсколько разъ въ день навѣщала больного и ухаживала за нимъ съ самой нѣжной заботливостью, радуясь, когда она могла чѣмъ-нибудь облегчить его страданія; она возмущалась тѣмъ, что близкіе не достаточно оберегали его, что вдовствующая Императрица, навѣщая сына, занимала его безконечными разговорами о разныхъ пустякахъ въ то время, когда у него былъ сильный жаръ; оставивъ свою обычную сдержанность, Елисавета отстаивала его покой, ссылаясь на предписаніе врачей, просила, чтобы его не утомляли, говорили съ нимъ только о неотложныхъ дѣлахъ. Марія Ѳеодоровна была недовольна этими замѣчаніями, ревновала свою невѣстку къ сыну, не хотѣла, чтобы она была постоянно при немъ. Эти мелочи жизни только усугубляли душевную тревогу, которую испытывала Императрица во время болѣзни Александра Павловича; зато какой радостью, какой трогательной заботливостью и любовью дышать тѣ строки, въ которыхъ она сообщаетъ матери, что Импера-

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

тору стало немного лучше, что „онъ первую ночь спалъ спокойно, благодаря подушечкѣ“, которую она принесла и положила ему подъ голову, что отдохнувъ, онъ благодарилъ ее и сказалъ, что „онъ ей будетъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ“.—„Я же принесла ему и скамеечку“, пишетъ она, „которая оказалась удобной для его ноги, такъ что онъ могъ пересѣсть въ кресло“.

Когда Александру Павловичу стало настолько лучше, что онъ могъ сидѣть въ креслѣ, было отпраздновано бракосочетаніе Великаго Князя Михаила Павловича съ принцессой Шарлоттой Виртембергской, получившей имя Великой Княгини Елены Павловны.

Предстоявшее торжество очень волновало Елисавету Алексѣвну, она боялась, чтобы оно не отразилось на здоровьи Императора, которому доктора все еще совѣтовали полный покой.

„Бракосочетаніе Великаго Князя Михаила назначено неожиданно на будущую пятницу“, пишетъ Елисавета маркграфинѣ 5 (17) февраля 1824 г.; „по причинѣ болѣзни Императора оно было отложено до послѣ поста, но вдовствующая Императрица, съ нетерпѣніемъ ожидающая заключенія этого брака, не могла помириться съ этимъ, и вотъ, обрядъ вѣнчанія совершится самымъ невѣроятнымъ образомъ. Императоръ выразилъ желаніе, чтобы бракосочетаніе совершилось безъ него, но этого не захотѣли; рѣшено, что вѣнчаніе совершится въ залѣ, примыкающей къ большому кабинету Императора, гдѣ онъ лежитъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ заболѣлъ. На время болѣзни въ залѣ поставлена, по его желанію, походная церковь и, такимъ образомъ, отперевъ двери, онъ можетъ слушать обѣдню. Въ этой-то походной церкви и будетъ совершенъ обрядъ вѣнчанія. Я не понимаю, какъ это произойдетъ, такъ какъ мѣста мало, а вдовствующая Императрица хочетъ помѣстить туда какъ можно больше людей. Императоръ будетъ лежать за ширмами въ сосѣдней комнатѣ—какое грустное зрѣлище! я до сихъ поръ не могу помириться съ этимъ. Весь дальнѣйшій церемоніаль будетъ выполненъ, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто въ присутствіи Императора. Онъ хочетъ, чтобы я присутствовала на торжествѣ бракосочетанія; я подчиняюсь его волѣ, но признаюсь, при всемъ моемъ расположеніи къ Еленѣ, я охотно уклонилась бы отъ него, такъ какъ въ отсутствіи Императора оно представляется мнѣ чѣмъ-то совершенно необычнымъ“.

Только-что успѣлъ выздороветь Императоръ, какъ судьба послала Елисаветѣ Алексѣвнѣ новый ударъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ скончалась герцогиня Антуанетта Виртембергская, съ которой Государыня была очень дружна.

„Смерть дорогой герцогини А. Виртембергской чрезмѣрно огор-

чила Императрицу Елисавету Алексѣевну, которая была съ нею дружна“, писалъ Карамзинъ Дмитріеву 5 марта 1824 г. „Судьба отнимаетъ у нея всѣхъ ей милыхъ, какъ бы для того, чтобы она не имѣла никакой земной привязанности“.

Въ концѣ іюня готовилось новое испытаніе. Скончалась отъ чахотки 18 лѣтняя дочь М. А. Нарышкиной, бывшая уже невѣстой графа Андрея Шувалова. Государыня выказала своему супругу, въ этомъ случаѣ, большое участіе и старалась всячески утѣшить его.

Характерно откликнулась на это событіе юная Великая Княгиня Елена Павловна, еще невѣстой снискавшая особое расположеніе Елисаветы Алексѣевны, которое по мѣрѣ дальнѣйшаго сближенія перешло въ прочную дружбу.

„Вы хотите знать, какое доказательство дружескаго расположенія могла дать мнѣ Елена, писала Государыня маркграфинѣ (23 іюля (4 авг.) 1824 г.); мнѣ такъ пріятно сказать что-нибудь въ ея похвалу, что я спѣшу удовлетворить ваше любопытство. Недѣль 5—6 тому назадъ, Императоръ испыталъ большое огорченіе: онъ потерялъ единственнаго ребенка, который остался у него отъ его связи съ Нарышкиной; молодой дѣвушкѣ шелъ девятнадцатый годъ. Мать и дочь только осенью возвратились изъ-за границы, послѣ продолжительнаго отсутствія. Молодая дѣвушка тогда уже прихварывала; весною она заболѣла воспаленіемъ легкихъ, которое перешло въ скоротечную чахотку. Императоръ повѣрялъ мнѣ свои опасенія съ самаго начала ея болѣзни; онъ всегда говорилъ со мною объ этомъ откровенно, за что я ему была признательна. Это тяжкое испытаніе постигло его на другой день послѣ того, какъ онъ ѣздилъ первый разъ въ Красное Село, въ то утро, когда должны были начаться маневры, и Вилліе былъ настолько не деликатенъ, что сообщилъ ему объ этомъ въ тотъ моментъ, когда онъ садился на лошадь. Онъ не могъ скрыть своего огорченія, и это придало гласность тому, что легче было бы пережить наединѣ. Въ тотъ же день вечеромъ онъ самъ письменно сообщилъ мнѣ о своемъ горѣ. Елена была въ то время въ Красномъ и узнала о томъ, что было раньше, и о томъ, что случилось теперь; оказывается, до сихъ поръ ей ничего не было извѣстно. Она написала мнѣ письмо, изъ котораго я поняла, что она взволнована, хотя она и не объясняла мнѣ причины“.

Это письмо было прислано ночью. Подозрѣвая въ чемъ дѣло, я однако не рѣшилась сама заговорить объ этомъ, не зная, что именно ей извѣстно; мнѣ бы не хотѣлось, ни за что въ мірѣ, первой сообщить ей подобную вещь. Поэтому, на утро я отвѣтила, что меня очень огорчаетъ ея волненіе, и я боюсь, что ее довели до этого состоянія какія-нибудь личныя причины. На слѣдующій день я получила отъ нея трога-

тельное письмо, въ которомъ она, со всевозможными оговорками и опасеніями насчетъ того, что она можетъ лишиться моей дружбы, писала, что она готова подвергнуться всему этому, ради моихъ интересовъ; она видитъ, что мнѣ неизвѣстно о потерѣ, понесенной Императоромъ, между тѣмъ, мнѣ необходимо знать это болѣе чѣмъ кому-либо другому, ибо съ этимъ связаны самые дорогіе для меня интересы; говоря это, она тысячу разъ извинялась и кончала письмо тѣмъ, что если я не одобряю того, что она говоритъ объ этомъ, если я лишу ее своего дружескаго расположенія, то для нея все потеряно. Ея письмо глубоко тронуло меня, сдѣланный ею шагъ показалъ мнѣ правильность ея сужденія и прямоту ея души. Я отвѣчала ей съ величайшимъ чувствомъ, что мнѣ сообщилъ обо всемъ самъ Императоръ. Развѣ это не трогательно, въ 17 лѣтъ? Я никогда не забуду этого. Когда мы увидѣлись, она сказала мнѣ: „Вы не можете себѣ представить, какъ я мучилась! мнѣ такъ тяжело было думать, что вы единственная особа въ Царскомъ Селѣ, которой неизвѣстно о случившемся, тогда какъ могли найтись люди, которые были бы рады, что вы этого не знали и не могли выказать Императору сочувствія“.

Въ отношеніи Елены Павловны къ ней Государыня нашла то, чего она тщетно искала въ своей новой семьѣ тридцать лѣтъ: привязанность, правдивость и довѣрчивость; она полюбила ее всѣмъ сердцемъ.

Весну и лѣто 1824 г. Императрица Елисавета провела въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ; здоровье ея въ это время сильно пошатнулось, она чувствовала большую слабость; плохой сонъ, отсутствіе аппетита, упадокъ силъ—вотъ тѣ признаки серьезнаго недомоганія, которые появились въ ту пору. Императрицѣ хотѣлось поѣхать на морскія купанья, которыя однажды принесли ей большую пользу, но отъ этой мысли пришлось отказаться: Императоръ не любилъ, чтобы она предпринимала самое малѣйшее путешествіе съ нимъ или безъ него.

„Я не знаю, чѣмъ это объяснить, говоритъ Елисавета, но я страдаю отъ этого не первый годъ, мнѣ постоянно приходится дѣлать усиліе, чтобы покориться и перенести лишеніе, въ которомъ я не вижу ни съ какой стороны ни малѣйшей пользы; я объясняю это волей Божіей; онъ хочетъ, чтобы во мнѣ было подавлено всякое личное желаніе“.

Государыня съ грустью ожидала августа, когда Александръ Павловичъ долженъ былъ отправиться въ продолжительное путешествіе. Ее пугала мысль провести осень въ Царскомъ Селѣ, въ полномъ бездѣйствіи, которое прерывалось только поѣздками въ Гатчино, которыя были еще утомительнѣе для души, нежели для

тѣла, не имѣя никого, съ кѣмъ бы она могла подѣлиться своими думами.

Недомоганіе Императрицы сильно тревожило Александра Павловича. Грустно настроенный, вернулся онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ своей продолжительной поѣздки по Россіи и усиленно совѣщался съ врачами о томъ, гдѣ бы его больной супругъ провести зиму. Говорили объ Италіи, но помимо политическихъ соображеній, сама Императрица и слышать не хотѣла о поѣздкѣ за границу. Такимъ образомъ эти совѣщанія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что вниманіе Государя было временно отвлечено страшнымъ наводненіемъ, постигшимъ Петербургъ, тотчасъ по его возвращеніи. Государынѣ пришлось провести зиму въ Петербургѣ, что еще болѣе подкосило ея здоровье. Къ веснѣ оно настолько ухудшилось, что врачи заявили рѣшительно, что Императрица не можетъ провести осень на сѣверѣ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, выборъ палъ на Таганрогъ. Вопросъ о ея мѣстопребываніи былъ рѣшенъ Императоромъ съ врачами безъ участія Елисаветы Алексѣвны. Вѣрная своему принципу ни во что не вмѣшиваться, она молча согласилась на все; въ сущности это было для нея безразлично, нѣкоторое значеніе имѣло лишь болѣе или менѣе легкое сообщеніе съ Петербургомъ. Хотя выборъ Таганрога едва-ли можно считать удачнымъ, но во всякомъ случаѣ Государыня была довольна, что, наконецъ, остановились на чемъ-то опредѣленномъ, потому что безконечные переговоры только раздражали ея нервы; ее радовала мысль избавиться на время отъ тяготившихъ ее обязанностей ея сана, отъ постоянныхъ пріемовъ и визитовъ, которые ее утомляли и не давали возможности располагать временемъ, какъ она хотѣла.

Конецъ лѣта прошелъ въ приготовленіяхъ къ дальней поѣздкѣ. Архитектору Шарлеманю было поручено съѣздить въ Таганрогъ и, выбравъ соотвѣтствующее помѣщеніе, привести все въ порядокъ къ пріему высокихъ гостей.

Александръ Павловичъ находился все время въ очень мрачномъ настроеніи; болѣе всего его беспокоило состояніе здоровья супруги, но одинаково непріятно поразилъ его и доносъ Шервуда о тайныхъ обществахъ, членами которыхъ были многіе офицеры арміи.

Императоръ отправился изъ Царскаго Села на югъ 1 сентября 1825 г. и прибылъ 13 числа въ Таганрогъ. Два дня спустя, 3 сентября, покинула столицу императрица Елисавета Алексѣвна; она ѣхала тѣмъ же путемъ, но гораздо тише, чтобы не утомляться, и пріѣхала въ Таганрогъ десятью днями позже Государя.

На третій день путешествія, изъ Боровичъ Императрица писала

матери, что благодаря заботливости Императора, который самъ составилъ маршрутъ и, проѣзжая впередъ, дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія и предусматривалъ все до мельчайшихъ подробностей,— ея путешествіе было обставлено всевозможными удобствами и она не чувствовала ни малѣйшаго утомленія, напротивъ, она высказывала матери свою радость по поводу того, что она уѣхала изъ Петербурга и могла отдохнуть отъ той жизни, которая ее тяготила.

„Plus de visites, plus de billets à répondre, plus d'interruption pour ceci et cela“, пишетъ Императрица; какая отрада хоть на время чувствовать себя свободной отъ всѣхъ этихъ условностей, отравлявшихъ ей жизнь и бывшихъ ей особенно въ тягость съ тѣхъ поръ, какъ силы стали измѣнять ей.

„Государыню сопровождали на югъ: ген.-ад. князь П. М. Волконскій, статсъ-секретарь Н. М. Лонгиновъ, камеръ-фрейлины Е. П. Валуева и княжна В. М. Волконская.

„Особенно довольна была Елисавета Алексѣевна имѣть при себѣ князя П. М. Волконскаго, умѣвшаго со всѣми ладить и весьма покладистаго характера. Въ одномъ изъ писемъ Елисавета говоритъ: „между нимъ и Кирилломъ Нарышкинымъ (сопровождавшимъ ее за границу) не можетъ быть и сравненія. Въ данномъ случаѣ князь Волконскій для меня истинный кладъ“.

„Кромѣ доктора Стоффрегена, въ свитѣ Государыни находились еще два врача: Доббертъ и Рейнгольдъ. Благодаря ихъ настояніямъ перегоны во время дороги были короткіе, и больная доѣхала до Таганрога сравнительно бодрая и не чувствуя особаго утомленія; погода, во время этого длиннаго пути, была въ высшей степени благопріятная.

„Во время остановокъ для отдыха и ночлеговъ Елисавета Алексѣевна писала почти ежедневно Императору и также часто маркграфинѣ. Александръ Павловичъ тоже аккуратно посылалъ письма съ пути навстрѣчу своей супругѣ.

Изъ одного мѣстечка Витебской губерніи Императрица сообщала матери: „Со времени моего отъѣзда изъ Царскаго Села, я получила отъ Императора четыре письма. Онъ выказываетъ мнѣ участіе, которое глубоко трогаетъ меня—*qui me touche et me pénètre*;— все то, что онъ дѣлаетъ, можетъ окончательно избаловать меня“.

Только остановки въ маленькихъ городахъ утомляли Императрицу, такъ какъ ей приходилось удовлетворять желаніе народа видѣть ее и привѣтствовать; она предпочитала остановки въ глуши, на маленькихъ почтовыхъ станціяхъ.

„Привязанность русскаго народа къ его монархамъ составляетъ одно изъ почтенныхъ качествъ русскаго народа, писала Императ-

рица; сколько крестьянъ осѣняло себя крестомъ, говоря: „Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ на старости лѣтъ утѣшеніе видѣть тебя, матушка наша!“ Другіе приводили дѣтей и говорили: „Хочу, чтобы они всю жизнь помнили, что видѣли тебя“. Эти добрыя чувства нѣсколько утомляютъ тѣмъ, что приходится при каждой смѣнѣ лошадей разговаривать съ собравшимися; иногда насъ останавливали даже среди дороги мелкопомѣстные помѣщики и подносили намъ фрукты, хлѣбъ, пироги и пр.“.

Населеніе, всюду по пути, встрѣчало путешествующую Императрицу восторженно и сердечно.

Проѣздомъ черезъ Курскую губернію, Императрица посѣтила княгиню Барятинскую, рожд. графиню Келлеръ, въ ея имѣніи Ивановскомъ, которое очень понравилось Императрицѣ Елисаветѣ. Въ Бѣлгородѣ Государыню встрѣтила престарѣлая графиня Анна Родіоновна Чернышева (рожд. Вейдель), вдова графа Захара Григорьевича, не выдавшая Елисаветы съ самой ея коронаціи въ 1801 году, т. е. 24 года. Старушка еще знавала маркграфиню мать, когда та пріѣзжала въ Россію съ сестрой своей, бывшей впоследствии недолго замужемъ за великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и носившей имя Наталіи Алексѣвны. Послѣ наводненія въ Петербургѣ она пожертвовала 30 тыс. рублей въ пользу пострадавшихъ и передала ихъ для раздачи Императрицѣ Елисаветѣ.

„23 сентября Государыня благополучно доѣхала до Таганрога и была встрѣчена на послѣдней станціи Александромъ Павловичемъ. Государь пересѣлъ въ дормезъ Императрицы, и Ихъ Величества вмѣстѣ прибыли въ греческій Александровскій монастырь, гдѣ выслушали благодарственный молебенъ. Елисавета чувствовала себя настолько хорошо, что безъ посторонней помощи вышла изъ экипажа и, стоя, выслушала богослуженіе. Оттуда направились въ приготовленный домъ, называвшійся Таганрогскимъ дворцомъ, но по скромности и простотѣ своей, представлявшій не болѣе, какъ благоустроенное хозяйство или усадьбу зажиточнаго провинціального помѣщика.

Сама Елисавета въ слѣдующихъ словахъ описала матери этотъ домъ:

„Чтобы отвѣтить на ваши вопросы, я вамъ скажу, дорогая мама, что домъ, въ которомъ мы здѣсь живемъ, принадлежитъ казнѣ; въ немъ имѣетъ право жить градоначальникъ. По приказанію Императора онъ очень хорошо обставленъ, частью вещами, присланными изъ Петербурга, частью очень хорошенькой мебелью, мѣстнаго производства; благодаря его по истинѣ трогательнымъ заботамъ обо мнѣ, я устроилась хорошо и уютно. Вездѣ, куда онъ ни пріѣдетъ, начинается дѣятельность: такъ и здѣсь; до сихъ поръ идетъ

работа надъ украшеніемъ города и надъ улучшеніемъ дорогъ. Нашъ домъ одноэтажный. Онъ стоитъ въ концѣ греческой улицы длиннымъ фасадомъ къ улицѣ; противъ дома садъ, обнесенный заборомъ. Изъ комнатъ, выходящихъ во дворъ, за садикомъ, прилегающимъ къ дому, виднѣется море. Въ саду есть терраса, откуда открывается великолѣпный видъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы скорѣе настало тепло, чтобы я могла понѣжиться на этой террасѣ. Главная комната — зало, занимаетъ домъ во всю глубину; изъ нея дверь направо ведетъ къ Императору, который занялъ для себя всего двѣ комнаты, а налѣво—въ мой салонъ. За нимъ идетъ мой кабинетъ, съ хорошимъ, удобнымъ диваномъ,—вещь для меня драгоценная: сидя въ этомъ кабинетѣ, я пишу вамъ. Далѣе идетъ спальня, которая по расположенію дверей, оконъ и по размѣру, напоминаетъ мнѣ красную комнату въ вашемъ домѣ въ Карлсруэ; маленькая дверь, въ глубинѣ, ведетъ въ уютную комнатку въ одно окно, которую Императоръ назначилъ для моей столовой; изъ этой комнаты входишь, съ одной стороны, въ крохотную уборную, а съ другой—въ довольно просторную комнату, выходящую во дворъ и предназначенную для горничныхъ. Въ концѣ дома есть еще уютный кабинетикъ, гдѣ Императоръ велѣлъ устроить для меня бібліотеку, чтобы у меня хоть изъ одной комнаты былъ видъ на море“...

„Въ этомъ домѣ Александръ и Елисавета, почти цѣлый мѣсяцъ, прожили тихо и уютно. Въ октябрѣ Государь на нѣсколько дней ѣздилъ на Донъ и посѣтилъ Новочеркасскъ. Какъ видно, пребываніе на югѣ ему нравилось, и онъ не помышлялъ о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ. По крайней мѣрѣ въ письмѣ отъ 8 октября Елисавета сообщала матери: „я просила его на-дняхъ сказать мнѣ, когда онъ рассчитываетъ вернуться въ Петербургъ, такъ какъ я предпочитаю это знать, чтобы свыкнуться съ мыслию объ его отъѣздѣ, какъ свыкаются съ мыслию о предстоящей операціи. Онъ отвѣтилъ: *„Какъ можно позже, еще увидимъ; но во всякомъ случаѣ не раньше новаго года“*. Это привело меня въ хорошее настроеніе на весь день, и вы конечно раздѣлите мою радость, дорогая мама“.

Между тѣмъ графъ М. С. Воронцовъ усиленно приглашалъ Государя, воспользовавшись случаемъ, посѣтить крымское побережье. Успокоившись нѣсколько на счетъ здоровья Государыни, которая, отдохнувъ съ дороги, замѣтно окрѣпла, Александръ, 20 октября, тронулся въ послѣднее, роковое для него путешествіе, изъ котораго онъ возвратился въ Таганрогъ 5 ноября совсѣмъ больной.

О ходѣ его болѣзни съ 5 по 12 ноября, когда въ его состояніи произошло рѣзкое ухудшеніе, подробно рассказано въ дневникѣ Ели-

саветы Алексѣвны, хранящемся въ рукописномъ отдѣлѣ собственныхъ Его Величества библіотекъ.

Вотъ что записано въ этомъ дневникѣ:

„Онъ вернулся изъ путешествія въ Крымъ въ четвергъ, 5 ноября, около семи часовъ вечера. Такъ какъ онъ, противъ обыкновенія, долго не шелъ ко мнѣ, то я подумала, не пріѣхалъ ли онъ больнымъ; я испытывала какую-то неопредѣленную тоску и тревогу и, видя фонари, зажженные на улицѣ, какъ тотъ разъ, какъ онъ вернулся изъ Новочеркасска, я сказала себѣ съ грустью: „онъ уѣдетъ отсюда еще разъ, но болѣе не вернется“. Когда онъ пришелъ, мой первый вопросъ былъ: „Здоровы ли Вы“? Онъ сказалъ, что нездоровъ, что у него уже дня два лихорадка; онъ думаетъ, что онъ захватилъ крымскую лихорадку. Я усадила его, онъ весь горѣлъ; онъ сказалъ мнѣ, что полковникъ Саломка и лакей Евстифеевъ также заболѣли лихорадкой. Что касается его, то онъ думаетъ, что причина его болѣзни—прокисшій барбарисовый сиропъ, который онъ выпилъ въ Бахчисараѣ, когда его мучила жажда, и такъ какъ этотъ напитокъ вызвалъ у него поносъ, отъ котораго онъ очень ослабъ, то онъ сдѣлался вслѣдствіе этого болѣе воспримчивъ къ лихорадкѣ. По его словамъ, послѣ перваго приступа лихорадки, онъ не далъ знать Вилліе, а послалъ за нимъ только послѣ второго пароксизма; ему дали пуншу, и въ тотъ день его болѣе не знобило; онъ приказалъ подать себѣ чаю съ лимономъ и, когда доложили о приходѣ Вилліе, онъ попросилъ его къ себѣ, и сказалъ ему, что онъ чувствуетъ себя недурно, что его не знобило, но что у него сильный жаръ.

Поговоривъ съ нимъ съ полчаса объ его путешествіи, я уговорила его лечь пораньше. Уходя и прощаясь со мною, онъ сказалъ: „я очень радъ увидѣться съ тобой“. Получивъ извѣстіе о кончинѣ короля баварскаго, онъ писалъ мнѣ, что его тревожитъ, какое впечатлѣніе это произведетъ на меня, и что онъ успокоится только тогда, когда онъ будетъ опять со мною.

„Въ пятницу, 6-го числа, онъ прислалъ сказать мнѣ по утру, что онъ хорошо провелъ ночь. Онъ пришелъ ко мнѣ около 11 часовъ. Онъ былъ желтъ; видно было, что онъ боленъ. Онъ сѣлъ; я показала ему письма, которыя онъ хотѣлъ видѣть наканунѣ: мы говорили о томъ, что произошло во время его отсутствія. Когда онъ уходилъ, я спросила, удобно ли ему, чтобы мы обѣдали вмѣстѣ, не стѣснить ли это его. „Напротивъ“, отвѣтилъ онъ. Когда онъ пришелъ къ обѣду, я нашла, что онъ выглядѣлъ хуже, нежели утромъ; онъ просилъ позволенія встать изъ-за стола, какъ только онъ окончитъ свой скудный обѣдъ, сказавъ, что у него въ комнатѣ есть

шуба, въ которую онъ кутается. Ему подали супъ съ крупой, онъ поѣлъ его и сказалъ: „аппетитъ лучше, чѣмъ я думалъ“; затѣмъ подали лимонное желе; онъ замѣтилъ, что оно слишкомъ сладко. Онъ всталъ изъ-за стола. Около 4 часовъ онъ прислалъ за мной; я застала его сидящимъ на диванѣ; придя къ себѣ, онъ легъ и задремалъ, а затѣмъ хотѣлъ приняться за работу, но былъ такъ утомленъ, что долженъ былъ встать изъ-за письменнаго стола; ему хотѣлось прилечь, онъ просилъ меня взять книгу. Онъ пролежалъ нѣкоторое время молча, не засыпая. Мы вспоминали, что завтра годовщина наводненія, и выразили надежду, что въ этомъ отношеніи годъ окончится благополучно. Меня тяготило предчувствіе какого-то бѣдствія, чего-то тягостнаго. Видя, что мнѣ темно читать, онъ велѣлъ принести свѣчи. Въ пять часовъ Федоровъ доложилъ о приходѣ Вилліе; онъ съ трудомъ разслышалъ это, такъ какъ слухъ у него очень притупился: онъ самъ замѣтилъ это и сказалъ, что это отъ лихорадки; то же самое было съ нимъ въ первые дни, когда у него была рожа. Онъ сдѣлалъ лакею замѣчаніе, что тотъ говоритъ тише обыкновеннаго, тогда какъ онъ слышитъ хуже, чѣмъ всегда. Онъ велѣлъ позвать Вилліе и его также просилъ говорить громче: „Я ничего не слышу“; „as deaf as a post, какъ говоритъ Парландъ“, весело прибавилъ онъ. Вилліе совѣтовалъ ему принять лекарство; онъ долго отказывался, обѣщая принять его на другой день утромъ, когда найдутъ нужнымъ, и увѣрялъ, что если онъ приметъ лекарство вечеромъ, то это испортитъ ему сонъ, а онъ надѣялся, что будетъ спать такъ же хорошо, какъ предыдущую ночь. Вилліе увѣрялъ, что дѣйствіе лекарства скажется до ночи; онъ умолялъ принять его, а я, стоя позади Вилліе, глазами молила его о томъ же; наконецъ онъ сказалъ: „Ты раздѣляешь мнѣніе Вилліе?“ Я сдѣлала утвердительный знакъ.

— „Ну что же, хорошо“ и Вилліе пошелъ готовить пилюли. Онъ принесъ ихъ черезъ полчаса. Въ то же время пришелъ князь Волконскій. Двухъ пилюль не хватало; онѣ проскользнули въ рукавъ, гдѣ ихъ и нашли; всѣ смѣялись надъ этой пропажей. Мы пребыли одни до семи часовъ. Тогда онъ попросилъ меня удалиться, такъ какъ лекарство должно было скоро подѣйствовать. Я сказала: „Увидимся ли мы еще сегодня?“

— „Да, вечеромъ“.

Но такъ какъ въ девять часовъ онъ еще не прислалъ за мною, то я позвала Вилліе, который сказалъ, что лекарство подѣйствовало хорошо, что онъ заснулъ и еще не просыпался. Вилліе весело бесѣдовалъ со мною; я поручила ему сказать Императору, если онъ увидитъ его, когда онъ проснется, что я ложусь спать, такъ какъ

уже поздно. Дѣйствительно, онъ проспалъ на диванѣ до полуночи и, проснувшись, легъ въ постель.

Въ субботу, 7-го онъ зашелъ ко мнѣ часу въ двѣнадцатомъ и сказалъ, что онъ чувствуетъ себя лучше.

„Вчера, когда я сидѣлъ тутъ, сказалъ онъ, я чувствовалъ себя очень худо, а вечеромъ, когда я просилъ тебя уйти, потому что лекарство должно было подѣйствовать, это не было главной причиной; оно подѣйствовало только двадцать минутъ спустя, но я чувствовалъ такой пароксизмъ лихорадки, что мнѣ было совѣстно, чтобы меня видѣли въ этомъ состояніи: я не зналъ, куда дѣваться“, и онъ сознался, что пилюли принесли ему пользу; онъ все еще былъ желтъ, но сталъ веселѣе. Мы разсматривали собранныя мною раковины; затѣмъ онъ сказалъ, чтобы я шла гулять, а онъ пойдетъ работать. Я совѣтовала ему не работать такъ много, такъ какъ наканунѣ это принесло ему вредъ.

„Это такъ вошло у меня въ привычку, что я не могу обойтись безъ работы“, сказалъ онъ; „когда я ничего не дѣлаю, у меня въ головѣ какая-то пустота; если бы я оставилъ свое дѣло, мнѣ пришлось бы проглатывать цѣлыя библіотеки, иначе я сошелъ бы съ ума“.

Когда я вернулась, онъ прислалъ мнѣ записочку,—последнюю, приглашая меня присутствовать при его обѣдѣ. Я поспѣшила къ нему. Онъ ѣлъ супъ съ крупой и кашу съ подливкой. Онъ принялъ снова слабительное; послѣ своего скуднаго обѣда, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, остановившись передъ однимъ изъ комодовъ, сталъ складывать въ пакетъ дѣла, которыя надлежало отправить; нѣсколько времени спустя онъ сказалъ мнѣ: „тебѣ надобно скоро уйти, такъ какъ лекарство дѣйствуетъ, мой желудокъ болѣе не можетъ держать никакой пищи“.

Онъ послалъ меня обѣдать. Часу въ четвертомъ онъ пришелъ ко мнѣ; я лежала на диванѣ, который онъ заказалъ для меня и который служилъ мнѣ одновременно кроватью. Я сказала, что ему слѣдуетъ лежать, а не мнѣ, и предложила ему лечь: онъ съ минуту колебался, но затѣмъ сказалъ, что онъ скоро пойдетъ къ себѣ и ляжетъ. Мы поговорили немного; затѣмъ онъ всталъ, сказавъ: „Я пришелъ взглянуть, почему ты не пошла гулять: сегодня, послѣ полудня, такая прекрасная погода“!

Я отвѣчала, что я дышала воздухомъ, сидя у открытаго окна, и наслаждалась вдвойнѣ, слушая плескъ моря и звонъ колокола греческой церкви Константина и Елены; я съ такимъ жаромъ описывала ему звонъ этого колокола, что онъ сказалъ съ улыбкою: „вотъ увидишь, тебѣ такъ понравится тутъ, что трудно будетъ уѣхать“.

Около семи часовъ онъ прислалъ за мною. Онъ лежалъ, раздѣтый, въ халатѣ, на диванѣ. „Что это значитъ?“ сказала я. Оказывается, лекарство подѣйствовало такъ сильно, что у него похолодѣли конечности и сдѣлалась боль въ животѣ; онъ надѣлъ набрюшникъ, и Вилліе далъ ему чашку чая; онъ чувствовалъ себя теперь хорошо и былъ веселъ; я принесла показать ему фасадъ и планъ нашего дома, сдѣланный Шарлеманемъ, чтобы послать его вдовствующей Императрицѣ; онъ разсматривалъ его и составленное мною описаніе, кое-что одобрилъ, другое критиковалъ, велѣлъ кое-что исправить и сказалъ: „это будетъ пріятно матушкѣ; она покажетъ его кому-нибудь“.

Я принесла ему также модные журналы, полученные въ его отсутствіе. Онъ былъ въ духѣ, чувствовалъ себя лучше, чѣмъ наканунѣ, и много говорилъ. Я рассказала ему о впечатлѣніи, произведенномъ на калмыковъ клавесиномъ полковника Фридрихса. Онъ смѣялся и сказалъ:

„Ты можешь доставить себѣ это удовольствіе, когда они явятся проститься съ нами: скажи имъ, что ты слышала, что они любятъ музыку, и сыграй имъ что-нибудь“.

Но потомъ мы рѣшили, что въ ихъ глазахъ это было бы несовмѣстно съ моимъ достоинствомъ, онъ совѣтовалъ мнѣ попросить князя Волконскаго сыграть что-нибудь, чтобы доставить имъ такое же удовольствіе, какое они испытали у полковника Фридрихса. Въ девять часовъ, пришли Вилліе и князь Волконскій. Вилліе спросилъ, какъ онъ чувствовалъ себя. Онъ сказалъ: „хорошо“, однако Вилліе нашелъ у него жаръ и сказалъ, что онъ, навѣрно, слишкомъ много работалъ послѣ полудня.

„Это для меня потребность, это меня успокаиваетъ“, отвѣчалъ онъ.

Князь Волконскій упомянулъ о балѣ, который долженъ былъ состояться на другой день, въ мѣстномъ клубѣ, и который хотѣли отмѣнить, въ виду придворнаго траура: онъ былъ противъ этого. Когда пришелъ генералъ Дибичъ, онъ велѣлъ въ своемъ присутствіи исправить чертежъ. Потомъ эти господа удалились, и мы остались одни; нѣсколько времени спустя, онъ пожелалъ мнѣ покойной ночи и приподнялся, чтобы мнѣ удобнѣе было поцѣловать его, такъ какъ мнѣ трудно было наклонять голову.

Въ воскресенье, 8-го, онъ позвалъ меня передъ тѣмъ, какъ я пошла къ обѣднѣ, и сказалъ, что ночью у него былъ жаръ; однако онъ одѣлся. Нѣсколько времени спустя, я вышла, чтобы отправиться къ обѣднѣ, и передъ тѣмъ еще разъ зашла къ нему.

„Тебѣ нельзя выходить“, сказалъ онъ, — „погода слишкомъ худа; будетъ буря“.

Я съ удовольствіемъ осталась. Онъ снова заговорилъ—второй разъ послѣ своего возвращенія, о Новочеркасскомъ діаконѣ. Мы говорили о томъ, какія работы были произведены въ его отсутствіе для украшенія города. Я сказала, что работа велась усердно: они „молодцы“ сказалъ онъ.

Я провела у него нѣкоторое время, послѣ чего онъ попросилъ меня оставить его одного. Затѣмъ онъ снова прислалъ за мною, чтобы я присутствовала при его обѣдѣ: ему дали стаканъ яблочной воды съ черносмородинымъ сокомъ; прежде чѣмъ выпить его, онъ перекрестился, какъ будто онъ садился за столъ и, отпивъ половину, сказалъ, что питье вкусно, и послалъ за Вилліе, чтобы спросить, оставить ли ему половину на ужинъ, или ему дадутъ второй стаканъ. Вилліе сказалъ, что если онъ желаетъ, то ему дадутъ вечеромъ еще стаканъ такого питья. Это питье какъ разъ то, что ему нужно, сказалъ онъ; у князя Волконскаго, случайно, оказался цѣлый запасъ сока, подаренный ему сестрою, а она получила его въ дорогѣ отъ одного знакомаго; онъ слышалъ, что при этой болѣзни это очень полезная вещь.

Часовъ около двухъ онъ послалъ меня обѣдать. Въ шестомъ часу онъ прислалъ за мною, сказалъ, что собирается послать курьера въ Петербургъ, и далъ мнѣ соотвѣтственныя указанія. Онъ чувствовалъ себя, повидимому, очень худо: у него былъ жаръ и болѣла голова. Я пошла къ себѣ, чтобы уложить пакеты, и сообщила ему, сколько ихъ было.

„Отлично“, сказалъ онъ, пошли пакеты генералу Дибичу и когда съ этимъ покончишь, возвращайся сюда“.

Я вернулась часовъ около семи. Онъ чувствовалъ себя лучше; я принесла ему вчерашнія газеты (полученныя въ его отсутствіе), которыя заняли его; онъ попросилъ меня принести продолженіе. Я сказала:

„Тебѣ, кажется, было очень худо, такъ что даже жаль было смотрѣть на тебя, теперь тебѣ лучше?“

„Да, мнѣ получше“, сказалъ онъ.

Нѣсколько времени спустя, онъ сталъ снова читать газеты; я также читала. Затѣмъ онъ улегся поудобнѣе, чтобы уснуть, и видимо чувствовалъ себя такъ хорошо, что пріятно было смотрѣть; онъ уснулъ съ улыбкой на устахъ и проспалъ такимъ образомъ часовъ около двухъ; дышалъ ровно, спокойно; проснулся только одинъ разъ и осмотрѣлся съ такимъ выраженіемъ, которое я приняла за удовольствіе, но которое я подмѣтила въ немъ позднѣе въ самыя ужасныя минуты, и опять уснулъ, улыбаясь. Вошелъ лакей и доложилъ о приходѣ Вилліе, но онъ спалъ такъ крѣпко, что его не разбудили.

Наконецъ, въ девять часовъ, онъ проснулся. Вошелъ Вилліе.
„Какъ вы себя чувствуете?“

— „Прекрасно, спокойно, бодро“.

Вилліе сказалъ:

„Вотъ увидите, скоро появится потъ“.

Поговоривъ немного, онъ ему посовѣтовалъ лечь.

„Мнѣ такъ хорошо тутъ“, сказалъ онъ.

Однако я ушла, чтобы онъ могъ лечь; онъ сказалъ мнѣ:

„Возьми съ собой газеты! завтра принеси мнѣ остальные“.

Въ шесть часовъ я позвала Вилліе и спросила, легъ ли онъ; онъ сказалъ, что онъ не могъ уговорить его, что онъ все улыбался и говоритъ:

„Мнѣ здѣсь хорошо“, но теперь онъ пожелалъ лечь въ кровать. Ночью онъ дѣйствительно пропотѣлъ, какъ слѣдуетъ.

Въ понедѣльникъ, 9-го, Штофрегенъ сказалъ мнѣ, что болѣзнь можно считать прерванной, и что если лихорадка вернется, то она будетъ перемежающаяся; съ ней скоро можно будетъ справиться, и я могу написать въ Петербургъ, что болѣзнь прошла. Я видѣла его передъ прогулкой; затѣмъ онъ послалъ за мною, чтобы я присутствовала при его обѣдѣ. Ему подали овсянку; онъ сказалъ, что у него есть аппетитъ, впервые послѣ 3-го числа. Но супъ показался ему слишкомъ густымъ, и онъ прибавилъ въ него воды; скушалъ его съ аппетитомъ, а затѣмъ ѣлъ черносливъ. Ему хотѣлось ѣсть еще, но онъ сказалъ:

„Надобно быть благоразумнымъ“.

Нѣсколько времени спустя, онъ сказалъ, чтобы я шла обѣдать.

„А я, какъ всякій порядочный человѣкъ, сказалъ онъ, пойду и сосну“.

Въ седьмомъ часу онъ прислалъ за мною и попросилъ меня принести газеты.

„Ты приносишь мнѣ погремушки, какъ ребенку“, сказалъ онъ. Онъ прочелъ послѣднія газеты, но ему нездоровилось, у него былъ жаръ. Я читала, въ это время мемуары г-жи Жанлисъ; онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ по поводу ихъ. Еще въ Петербургѣ онъ просилъ меня взять ихъ съ собою, говоря, что онъ можетъ быть прочтетъ ихъ; я замѣтила, что это очень легкое чтеніе, какъ разъ подходящее для больного.

„Можетъ быть завтра“, сказалъ онъ.

Вечеромъ онъ вдругъ спросилъ меня:

„А трауръ (по случаю кончины короля баварскаго), почему ты его не носишь?“

Я сказала, что я сняла его къ его приѣзду; съ тѣхъ поръ мнѣ не хотѣлось надѣвать его, но если онъ захочетъ, я надѣну его завтра.

Во вторникъ, 10-го, онъ долженъ былъ по утру принять лекарство. Штофрегень заходилъ два раза сообщить мнѣ о дѣйствиі лекарства: онъ до того ослабѣлъ отъ него, что ему сдѣлалось дурно. Я не удивлялась тому, что онъ не присылалъ за мной, я знала, что онъ не любитъ, чтобы ему мѣшали въ то время, какъ дѣйствуетъ лекарство. Я пошла гулять, вернулась, отобѣдала, а онъ все еще не присылалъ за мной. Это встревожило меня, я послала за Вилліе. Вилліе совѣтовалъ мнѣ зайти къ нему, и я застала его въ уборной на постелѣ; у него очень болѣла голова; однако онъ увидѣлъ меня и сказалъ:

„Я не посылаю за тобою, потому что я чувствовалъ себя все утро отвратительно, меня тошнило, мнѣ то и дѣло надобно было встать, къ тому же я очень слабъ“.

Окно было открыто, онъ замѣтилъ, что погода была прекрасная.

„12 градусовъ тепла въ ноябрѣ мѣсяцѣ!“ сказалъ онъ, обращаясь къ Вилліе. Вскорѣ послѣ этого онъ задремалъ; дыханіе его было неровное. Мнѣ первый разъ пришло на умъ, что его положеніе опасно. Я провела съ Вилліе часа два—три въ страшной тревогѣ у его постели. Я видѣла, что Вилліе очень встревоженъ и серьезенъ; однако онъ говорилъ:

„Вы увидите, онъ сильно вспотѣетъ“.

Дѣйствительно, онъ вспотѣлъ, но уснулъ такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ Вилліе обтиралъ ему потъ съ лица. Немного погодя, онъ пришелъ въ себя и, взявъ въ руки платокъ, чтобы обтереться, сказалъ:

„Благодарю васъ, я сдѣлаю это самъ! У тебя нѣтъ съ собою книги“, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Ему надобно было переменить бѣлье. Я ушла; смѣнивъ бѣлье и улегшись въ кабинетъ на диванѣ, онъ послалъ за мною; сравнительно съ тѣмъ, какъ я видѣла его послѣ обѣда, онъ выглядѣлъ прекрасно. Я держала въ рукахъ книгу, дѣлая видъ, что читаю, но я наблюдала за нимъ; онъ нашелъ, что у меня разстроенный видъ. Я сказала, что у меня очень болитъ голова, такъ какъ печку, находившуюся подлѣ моей кровати, закрыли слишкомъ рано: это была правда, но у меня лицо опухло отъ слезъ. Онъ спросилъ, кто это сдѣлалъ; я назвала горничную; онъ подробно говорилъ о томъ, какъ надобно топить эту комнату. Онъ спросилъ меня, гуляла ли я; я отвѣчала утвердительно и рассказала ему, что я встрѣтила калмыковъ верхами; говорятъ, будто, узнавъ о его болѣзни, они отслужили молебенъ за его здравіе.

„Кстати“, сказалъ онъ, „они хотятъ проститься съ тобою; я не могу принять ихъ, прими ихъ“.

— Когда? спросила я.

„Да завтра, скажи объ этомъ Волконскому“.

Прощаясь, я поцѣловала его въ лобъ и перекрестила его; онъ улыбнулся.

Во вторникъ, 11-го, онъ велѣлъ передать мнѣ, что онъ провелъ ночь спокойно. Я сказала, чтобы калмыки явились въ 11 часовъ; онъ прислалъ сказать съ княземъ Волконскимъ, чтобы я пришла къ нему послѣ приѣма. Онъ чувствовалъ себя недурно: показалъ мнѣ стаканъ съ уксусомъ и альпійской водой, которую Вилліе приготовилъ, чтобы обмыть ему лицо; „это одно наслажденіе“, сказалъ онъ. Онъ хотѣлъ знать, что говорили калмыки, и играла ли я имъ. Я отвѣтила отрицательно и сказала, что у меня было о чемъ говорить съ ними: я поблагодарила ихъ за то, что они молились за него, и спросила, первый ли разъ имъ случилось войти въ нашу церковь. Я продолжала говорить еще, но онъ меня болѣе не слушалъ и позвалъ лакея, чтобы обтереть ему лицо водою съ уксусомъ; онъ просилъ меня зайти послѣ прогулки. Но я зашла передъ тѣмъ, какъ идти гулять. Онъ освѣдомился, куда я пойду; я сказала, что мнѣ хотѣлось спуститься пѣшкомъ съ горы, къ источнику.

„Ты увидишь тамъ казаковъ“, сказалъ онъ; „ихъ лошади стоятъ теперь въ одномъ изъ пустыхъ пакгаузовъ“.

„Отчего это?“ спросила я.

— Они такъ хотѣли, чтобы быть ближе къ намъ.

Онъ просилъ меня зайти послѣ прогулки. Когда я вернулась, онъ спросилъ, была ли я тамъ, гдѣ хотѣла?

Я сказала, что да.

„Видѣла ли ты казаковъ?“

„Я видѣла только двухъ унтеръ-офицеровъ“.

Я сказала, что наканунѣ, гуляя близъ карантина, я была пріятно удивлена и тронута, видя, что садовникъ Грэй украшалъ мое любимое мѣстечко, и я спросила, дѣлалось ли это по его приказанію. Онъ отвѣчалъ съ той добротой, которую такъ часто можно подмѣтить въ немъ:

„Да, онъ не можетъ, въ настоящую минуту, работать по другую сторону“ (на томъ мѣстѣ, гдѣ Императоръ хотѣлъ насадить садъ, для чего именно и былъ вызванъ Грэй), „поэтому я сказалъ ему, чтобы онъ устроилъ покуда твое любимое мѣстечко“.

Я поблагодарила его. Онъ выглядѣлъ недурно, и голова перестала болѣть; онъ сказалъ, что мнѣ слѣдуетъ прогуляться еще разъ послѣ обѣда. Я просила уволить меня отъ этого, увѣряя, что мнѣ гораздо лучше дома и спокойнѣе, когда я могу быть подлѣ него; я произнесла это съ нѣкоторымъ волненіемъ.

„Будь же благоразумна“, сказалъ онъ, „будь благоразумна“.

Онъ далъ мнѣ попробовать свое питье; ему казалось, что въ немъ былъ какой-то привкусъ; я нашла то же, и онъ замѣтилъ, что и Егорычъ нашелъ это.

Когда зашелъ Вилліе, онъ завелъ рѣчь о своемъ питьѣ и о томъ, какимъ оно намъ показалось. Вилліе увѣрялъ, что это не могло быть. Нѣсколько времени спустя вошелъ Штофрегенъ; указывая на меня, Императоръ сказалъ ему:

„Говорила она вамъ, что съ нею приключилось вчера?“

Я не поняла, что онъ хотѣлъ сказать: онъ вспомнилъ объ угарѣ. Въ два часа онъ послалъ меня обѣдать. Часовъ около пяти, я пригласила Вилліе и спросила его, какъ здоровье Императора. Вилліе былъ веселъ; онъ сказалъ, что у Императора жаръ, но что я могу войти, онъ чувствуетъ себя не такъ, какъ наканунѣ.

На этомъ обрывается, къ сожалѣнію, дневникъ Императрицы: вѣроятно, озабоченная ухудшеніемъ въ положеніи больного, она не могла болѣе писать. Она не отходила отъ одра умиравшаго, сама закрыла ему глаза, принявъ его послѣдній вздохъ.

Невозможно передать словами то состояніе, въ которое впала удрученная горемъ Императрица. Въ самый день смерти Александра I она извѣстила свою мать о понесенной ею утратѣ глубоко трогательнымъ письмомъ, которое начиналось словами: „Нашъ Ангелъ въ небесахъ“—сдѣлавшимися лозунгомъ народной скорби.

Какъ это, такъ и послѣдующія письма ея къ матери полны выраженіями неподдѣльнаго горя и отчаянія, доходящаго до глубокаго трагизма; въ нихъ вылились истинныя чувства Елисаветы Алексѣвны къ своему супругу, которыя она питала, какъ видно, въ глубинѣ души, всю свою жизнь.

„Сближеніе съ мужемъ, происшедшее за послѣдніе годы, Императрица считала наградой свыше, и неожиданная потеря его была для нея еще больнѣе, еще ужаснѣе“.

„Пишу Вамъ, дорогая мама, не зная, что сказать“, писала Императрица два дня спустя, послѣ кончины Государя, 22 ноября. „Я не въ состояніи дать отчетъ въ томъ, что я чувствую: это одно непрерывное страданіе, это чувство отчаянія, передъ которымъ, я боюсь, моя вѣра окажется безсильной. Боже мой! это кажется выше моихъ силъ! Если бы онъ не оказывалъ мнѣ столько ласки, если бы онъ не давалъ мнѣ до послѣдней минуты столько доказательствъ своего нѣжнаго расположенія. Мнѣ суждено было видѣть, какъ испустилъ духъ этотъ ангелъ, сохранившій способность любить, когда онъ уже потерялъ способность понимать. Что мнѣ дѣлать съ моей волей, которая была подчинена ему, что мнѣ дѣлать съ жизнію,

которую я готова была посвятить ему! Мама, мама, что дѣлать, какъ быть! Впереди все темно...

Рука, которая пишетъ Вамъ это письмо, закрыла ему глаза. Мама, понимаете ли Вы это? Я не могу этого понять! Какъ я несчастна, и какъ Вы будете страдать вмѣстѣ со мною! Я удручена горемъ, я не знаю, что меня ожидаетъ, я очень, очень несчастна!

Дорогая мама, я пишу Вамъ, но еще ничего не могу сказать опредѣленнаго. Я получаю Ваши письма! они говорятъ мнѣ о томъ времени, когда я была счастлива! Я еще не сознаю себя; я прошу помощи у Бога, но, вѣроятно, я прошу не такъ, какъ слѣдуетъ. Я такъ одинока! Все смутно вокругъ меня; я живу только воспоминаніями объ этихъ тяжкихъ дняхъ; для меня въ этомъ теперь настоящее и будущее! Никто не знаетъ такъ, какъ я, эту истинно христіанскую душу, которая выказала себя во время болѣзни.

Я окружена самой нѣжной заботливостью и вниманіемъ, но никто не можетъ понять меня.

...Здѣсь все окружающее напоминаетъ мнѣ его нѣжную заботливость, его радость, которую онъ испытывалъ, когда ему казалось, что онъ нашелъ какую-нибудь вещь, которая могла доставить мнѣ лишнее удобство, когда онъ спрашивалъ меня раза три, четыре въ день: „Хорошо ли тебѣ? Все ли у тебя есть?“

Боже мой, Боже мой! Эти воспоминанія убиваютъ меня, но сокровище, которымъ я владѣю съ сегодняшняго дня, доставило мнѣ невыразимое благо. Это его библія, которую вотъ уже десять лѣтъ, онъ читалъ ежедневно, которая лежала всегда у него на столѣ, которую я тысячу разъ видѣла въ его рукахъ, которая испещрена его помѣтами; я потребовала ее и получила сегодня [писано 29 ноября (11 дек.)]. Въ моемъ отчаяніи, я сказала себѣ: „я найду въ ней спокойствіе“ и я нашла его. Немногіе, мама, знали его душу, знали, какъ она была возвышенна. Люди отыскивали его слабости зачастую для того, чтобы воспользоваться ими. Но надобно было видѣть все, что онъ переносилъ, и какъ онъ это переносилъ, чтобы понять, что Господь снискалъ его своей любовью.

...Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что все это сонъ, что придетъ день, когда настанетъ пробужденіе.

...Что касается меня, я могу сказать совершенно искренно: для меня, отнынѣ, не существуетъ ничто. Для меня все безразлично, я ничего не жду, я ничего не желаю, я не знаю, что я буду дѣлать, куда я поѣду, я знаю одно, что я не вернусь въ Петербургъ: для меня это невысказано!

Тяготѣющее надо мною смутное горе начинаетъ принимать болѣе опредѣленные очертанія. Мое положеніе такъ ново, что подѣ

часъ это меня пугаетъ. Я давно уже принесла ему въ жертву свою волю, какъ въ повседневной жизни, такъ и въ болѣе важныхъ дѣлахъ: вначалѣ это требовало усилія, современемъ это стало отрадою; я смѣшивала мою покорность его волѣ съ покорностью волѣ Божіей, такъ какъ я считала это своимъ долгомъ; когда я колебалась въ чемъ-нибудь, я говорила: онъ этого хочетъ! и хотя это не совпадало съ моимъ желаніемъ, но, я была довольна. Теперь я не знаю, какъ устроить свою жизнь“.

Приведенные отрывки изъ скорбныхъ писемъ Елисаветы Алексѣвны не только рисуютъ ея душевное состояніе въ первые дни послѣ кончины Александра I, но, какъ замѣчаетъ ея августѣйшій біографъ, разрушаютъ окончательно всѣ сомнѣнія относительно правдивости легенды, превратившей императора Александра въ сибирскаго старца Θεодора Козьмича; „неужели“, говоритъ онъ, „найдутся еще любители и защитники этой легенды, послѣ прочтенія писемъ Елисаветы Алексѣвны, которую не могли не считать сообщницей своего супруга въ дѣлѣ его мнимаго исчезновенія!“

Пока тѣло Александра I оставалось въ Таганрогѣ, убитая горемъ Императрица, несмотря на свою слабость, ежедневно „два раза въ день аккуратно посѣщала панихиды, не пропустивъ ни одно богослуженіе. Оставаясь почти въ полнѣйшемъ одиночествѣ, Государыня видѣла только приближенныхъ, князя П. М. Волконскаго, Н. М. Лонгинова и фрейлинъ Валуеву и Волконскую. Но даже видѣть многихъ приближенныхъ утомляло ее и не доставляло ей никакого утѣшенія. Изъ Одессы пріѣхала навѣстить Государыню ея бывшая фрейлина Стурдза, теперь г-жа Эдлингъ, а изъ Петербурга—графиня С. В. Строганова, давнишняя подруга Императрицы, которая умѣла вести подходящія бесѣды и менѣе всего утомляла Государыню“.

Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Таганрогѣ, графиня Строганова уѣхала въ Петербургъ. Одинокю и терпѣливо Государыня продолжала переносить свое горе и тяжелый крестъ, который ниспослало ей Провидѣніе.

Будущее рисовалось передъ нею совершенно неопредѣленно, она ничего не предрѣшала, однако считала для себя невозможнымъ жить въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ и помышляла поселиться гдѣ-нибудь подъ Москвою. „Намѣчалось Суханово — имѣніе князя П. М. Волконскаго и Царицыно — казенное имѣніе въ Московской губерніи, или пріобрѣтеніе собственнаго имѣнія“, гдѣ, какъ она писала маркграфинѣ, она была бы у себя дома. На предложенія частныхъ лицъ, готовыхъ уступить ей временно свои помѣстья для пользованія, она отвѣчала отказомъ. Что же касалось возможности избрать для себя одинъ изъ загородныхъ дворцовъ близъ Петербурга,

она и слышать объ этомъ не хотѣла. Ей достались, по завѣщанію Александра Павловича, Ораніенбаумскій и Каменноостровскій дворцы. Она ихъ уступила Великому Князю Михаилу Павловичу и его супругѣ“.

Скажемъ сейчасъ, что она отказалась и отъ миллионнаго оклада, который Императоръ Николай великодушно назначилъ ей въ годъ и пожелала довольствоваться шестьюстами тысячами рублей, какъ было положено въ актѣ объ Императорской фамиліи еще Императоромъ Павломъ.

Между тѣмъ здоровье Императрицы Елисаветы, подъ вліяніемъ болѣзни, подтачивавшей ея силы, и душевной, скорби, день отъ дня ухудшалось. Она таяла на глазахъ приближенныхъ. Она неоднократно жаловалась матери на свое здоровье, но, какъ видно, еще надѣялась переломить недугъ.

„Если мнѣ суждено жить, признаюсь, я хотѣла бы набраться силъ для всего, что мнѣ еще предстоитъ. Думая объ этомъ, моя душа иногда изнемогаетъ, и если мое тѣло также обезсилитъ, что тогда будетъ? Но я напрасно строю какія-либо предположенія. Всякому дню довлѣетъ злоба его! Господь позаботится о завтрашнемъ днѣ. Онъ сдѣлаетъ все къ лучшему“.

„Я забочусь о своемъ здоровьѣ“, пишетъ она другой разъ,— „это скучное занятіе, но мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть немного силъ для моего путешествія, которое, если на то будетъ воля Божія, назначено черезъ три недѣли (писано 1 апрѣля).“

„Прежде чѣмъ Вы получите это письмо, я уѣду отсюда. Завтра я начинаю снова брать солодовыя ванны, которыя принесли мнѣ большую пользу въ 1823 г. въ Царскомъ Селѣ. Правда, я тогда еще не испытала всего того, что я перенесла въ эти два съ половиною года“.

Наконецъ, наканунѣ отъѣзда, Императрица писала:

„Я уѣзжаю завтра, въ 9 часовъ утра, изъ церкви греческаго монастыря, куда я пріѣхала, и гдѣ мой Императоръ стоялъ семнадцать дней. Я пробуду тамъ съ минутку, тамъ будетъ отслужень краткій молебень, но для сердца моего будетъ отрадно уѣхать оттуда. Прощайте, дорогая мама. Итакъ я начинаю новую жизнь, гдѣ мнѣ предстоитъ тысяча новыхъ испытаній. Богъ поможетъ мнѣ, я въ этомъ увѣрена, и дастъ мнѣ физическія силы, которыя мнѣ такъ нужны“.

В. В. Тимошукъ.

